

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию А.И. Бугарчева
«Особенности денежного обращения Булгарского региона в XIII
– первой трети XIV вв. по материалам археологических
исследований», представленную на соискание
ученой степени кандидата исторических наук
по специальности: 5.6.3. Археология**

Представленная на рецензию диссертация Алексея Игоревича Бугарчева «Особенности денежного обращения Булгарского региона в XIII – первой трети XIV вв. по материалам археологических исследований», посвящена выяснению особенностей монетного обращения г. Болгара и тяготеющих к нему земель Среднего Поволжья в раннезолотоордынский период (точнее – до начала 30-х гг. XIV в.). Актуальность выбранной автором темы не вызывает сомнений – до недавнего времени этот этап монетного дела в землях Булгарского улуса был плохо освещён как публикациями кладовых комплексов, так и специальными исследованиями. Сложность её разработки в немалой степени определяется большим количеством типов анэпиграфных и анонимных недатированных монет, характерных для булгарской чеканки этого периода.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, краткого словаря с определением основных используемых терминов, списка источников и литературы, пяти приложений. Среди приложений – каталог монет булгарских монетных дворов, таблица с относительной хронологией анонимных и анэпиграфных монет, комплект метрологических гистограмм, отражающий ареалы распространения монетных кладов и отдельных монетных находок картографический материал, оформленная в виде таблицы классификация кладов по времени тезаврации.

Цель исследования: выяснение характера и особенностей денежного обращения Булгарского региона на нумизматическом материале XIII – начала XIV в. как археологическом источнике (С. 8), в целом, отражает весь комплекс проблем, исследованных автором диссертации. Поставленные в диссертации

задачи (их семь) последовательно поэтапно раскрывают освещаемую автором тему.

Источниками исследования выступают монеты из старых музейных фондов и монеты, обнаруженные по ходу археологических исследований в середине XX – начале XXI вв. Автором привлечены материалы из тринадцати музеев гг. Москвы, Казани, Самары, ряда районных центров Республики Татарстан. Круг памятников археологии, монетные находки которых были использованы для исследовательской работы, охватывает Болгарское городище, памятники его округи, территорий Иски-Казанского археологического комплекса и Семёновского острова, целого ряда других памятников и местонахождений, известных в различных районах Республики Татарстан, Ульяновской, Самарской, Саратовской областей. Основой комплекса источников служат 35 кладов XIII – первой трети XIV в. Общее количество привлечённых к исследованию монет (вместе с входящими в клады) превышает 10000 экземпляров. Все это, вместе взятое, создает солидную базу для изучения выбранной темы – существенно превышающую по числу и разнообразию источников, использованных ранее другими исследователями для её разработки.

Не вызывают возражений хронологические (конец 30-х гг. XIII – 1331 г.) и географические рамки исследования. Приемлемы методы (метрологический, типологический и топографический и др.), которые использовал соискатель. Все вышеперечисленные положения представлены во **Введении** диссертации А.И. Бугарчева.

Первая глава диссертационного сочинения носит историографический и источниковедческий характер. В ней прослежены основные вехи истории изучения денежного обращения Булгарского региона, охарактеризованы основные публикации монетных находок, рассмотрены научные труды, раскрывающие специфику монетного дела в Болгаре и тяготеющих к нему землях. В этой же главе охарактеризованы основные проблемные вопросы изучения золотоордынской нумизматики Среднего Поволжья в свете задач

археологических изысканий. Предложенное автором разделение нумизматических материалов по уровню информативности (на отдельные монеты, каталоги, клады и отдельные монетные находки, происходящие с археологических памятников, см. с. 39), на мой взгляд, выполнено недостаточно корректно, так как результат такой дифференциации включает в себя слишком разнородные по происхождению материалы – с одной стороны вещественные памятники (отдельные монетные находки без известного археологического контекста, клады и комплексы монет из археологических памятников), с другой – результат их первичного научного анализа (каталоги). Однако с авторским выводом о том, что различные уровни информативности проявляются при изучении различного количества экземпляров монет – трудно не согласиться (С. 39). При характеристике монетных кладов как источников (см. С. 39), наверное, было бы уместно разделить их минимум на две категории – отличных по информационным возможностям и требующих различных подходов к осмыслению: объёмные клады длительного накопления и клады–«кошельки», которые по времени сложения близки к закрытым археологическим комплексам.

Вторую главу диссертации, в целом, можно охарактеризовать как углублённое источниковедческое исследование. Она посвящена обзору характеристик кладов и единичных монетных находок. На основе тщательного и кропотливого анализа предложена их периодизация, охарактеризованы топография и метрология монетных находок. По времени тезаврации известные кладовые комплексы XIII – первой трети XIV в. разделены на два периода (конца 1230-х – 1266 г. и 1266–1330 гг.), соответствующих двум разным политическим ситуациям – вхождению Булгарского региона сначала в Монгольскую империю (в составе Улуса Джучи), затем, после её распада – в политически независимое ханство, известное по источникам, как Золотая Орда. К несомненному достижению автора нужно отнести предложенную хронологическую атрибуцию основной массы анонимных и анэпиграфных недатированных монет булгарского чекана, разработанную по фиксации их в

кладовых комплексах вместе с датированными монетными выпусками. Используя принцип взаимовстречаемости при выяснении хронологии тезаврации кладов, установлено примерное время чеканки для 102 монетных типов. Источником для изучения ареала распространения болгарских монет, его исторической динамики стал комплект построенных автором карт, отражающих ситуацию на разные выделенные периоды. Материалами картирования многочисленных монетных находок автору удалось подтвердить ранее отмеченное рядом исследователей наблюдение о том, что «...монеты болгарской чеканки не выходили за пределы определённой географической зоны Поволжья, которая может быть обозначена как региональная зона болгарского монетного обращения». Следует отметить, что использование для построения карт в качестве геоподосновы современной топосъёмки с указанием существующих в настоящее время населённых пунктов (см. Приложение 4) несколько снижает их информативные возможности. Наверное, решению поставленной исследовательской задачи более бы соответствовало привлечение в качестве основы археологической карты с нанесёнными археологическими памятниками – близкими по времени функционирования к интересующим памятникам нумизматики.

В третьей главе предложена интерпретация результатов проведённого источниковедческого анализа в плане выяснения периодизации и специфических черт денежного обращения в Среднем Поволжье в период конца 1230-х – 1330 гг. В этой же главе продемонстрирован опыт датирования монетных находок указанного периода из раскопок Болгарского городища, уточнения датировок отдельных археологических памятников по находкам монет. К наиболее интересным и важным результатам третьей главы относятся: обоснование существования и реконструкция системы монетных номиналов, её периодизация; выяснение специфики обращения медных монет; выявление трёх масштабных мероприятий по реформированию денежного обращения, их датирование. Всестороннее изучение нумизматического материала позволило автору обосновать шесть основных отличий болгарского

денежного обращения от денежного обращения других областей Улуса Джучи в XIII – первой трети XIV в. Одной из характерных черт этого процесса на Средней Волге в указанный период была его локальность – использование монет местной чеканки для обеспечения товарно-денежных отношений только в пределах регионального рынка. В отличие от исследователей, отмечавших ранее такой характер болгарского денежного обращения, автором диссертации предложен наиболее вероятный механизм соответствующего регулирования – через повышенную переоценку стоимости серебряных монет и определённую налоговую политику (С. 141).

В **заключении** содержатся основные выводы проделанной работы. Отметим, что А.И. Бугарчевым раскрыты все задачи исследования. Автор сумел дополнить, конкретизировать и впервые убедительно обосновать на обширном фактическом материале те особенности болгарского денежного обращения, которые были ранее лишь намечены другими исследователями (кратко перечисленные во Введении рецензируемой диссертации, см. С. 5).

Рассмотренная выше структура диссертации, в целом, логически обусловлена и последовательно раскрывает всю исследовательскую процедуру.

Главной особенностью диссертации, определяющей её оригинальность, новизну и отличие от других исследований, на мой взгляд, является наиболее последовательно реализованный подход к феномену болгарского монетного обращения через его сопоставление с монетными системами и монетным обращением азиатских государств, прежде всего – тех, которые образовались в результате распада Монгольской империи. Существование многономинальной системы монетной чеканки, локальный характер обращения серебряных монет, закончившийся объединением региональных монетных рынков в начале XIV в. – все эти важнейшие явления, выявляемые по изучению нумизматических памятников Болгара, известны по монетному обращению государств Ильханов и Чагатаидов (см.: Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. Нижний Новгород, 2003. С. 125–127). Присутствие тамги (как таковой) – характерного атрибута оформления многих

типов болгарских монет – обычно для чагатайских монет; имя багдадского халифа ан-Насира, кроме ранних монет болгарской чеканки, встречается на чагатайских дирхамах 30-х – 50-х гг. XIII в. городов Бухары, Отрара, Алмалыка (см.: Е.А. Давидович Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Масуд-бека (XIII в.). М., 1972. С. 116). Наконец, очевидно, не является случайностью и поражающее соответствие веса десяти определённых эмпирическим путём дангов (самой мелкой весовой фракции болгарских серебряных монет) классическому чагатайскому дирхаму г. Алмалыка, рассчитанному от иракского мискаля в 4,46 гр. (см.: П.Н. Петров, 2003. Указ. соч. С. 122, 123).

Основой применённой в диссертационном сочинении методической процедуры является использование известных особенностей монетного дела и монетного обращения выше указанных государственных образований как своеобразной матрицы, по которой автором проведена последовательная «сборка» (то есть, реконструкция) главнейших черт болгарской монетной системы. Наиболее очевидное использование указанного методического приёма продемонстрировано автором при выяснении номиналов болгарских серебряных монет. К сожалению, при описании методики исследования, автор ограничился указанием лишь на основные использованные источниковедческие методы (см. С. 12, 13), а описание самой исследовательской процедуры (впервые намеченной в указанной выше монографии П.Н. Петрова 2003 г., с. 122–125) в сколько-нибудь развёрнутом виде в диссертации отсутствует. Это обстоятельство, вероятно, может несколько осложнить использование её материалов другими исследователями «...по изучению денежного обращения других областей Улуса Джучидов», перспективность которого по использованной методике автор справедливо подчёркивает в Заключении диссертации (С. 163).

Не акцентировано внимание автором и на очевидных общих чертах раннего денежного обращения Болгара и азиатских монгольских государств, что позволило бы органично, на мой взгляд, дополнить материалы

диссертации хотя бы кратким освещением вопроса об истоках традиции монетного дела на Средней Волге в эпоху Золотой Орды, позволило бы увидеть болгарскую монетную чеканку XIII в. как результат масштабного процесса формирования новых финансово-экономических систем Евразийского континента после образования Монгольской империи.

Рассматриваемая диссертация решает источниковедческие задачи и, в целом, носит источниковедческий характер, направленный на обеспечение потребностей практической археологии в плане уточнения датировки исследуемых памятников. Тем не менее, вызывает сожаление недостаточное внимание оказанное автором поискам связей если не всех, то многих выявленных им явлений в истории денежного обращения с исторической ситуацией, социально-политическими, хозяйственно-экономическими и демографическими процессами (например, хотелось бы узнать соответствующую интерпретацию уменьшения разнообразия номиналов серебряных монет в течение второй половины XIII в.).

Результаты проведённого метрологического анализа болгарских монет были бы более убедительными, если бы автор провёл хотя бы грубую оценку потери веса отдельных типов кладовых монет по причине их износа (потёртости).

Можно оспорить отдельные выводы и заключения автора, связанные с характеристиками археологических памятников, полученными в результате изучения нумизматического материала. Так, автор полагает, что «существует прямая зависимость – чем больше кладов было найдено на каком-либо археологическом памятнике, тем больше населения проживало на его территории» (С. 152). Количество кладов, как и любого другого инвентаря кроме «количества проживающего населения» весьма сильно зависит ещё от целого ряда факторов – вскрытой раскопами площади памятника, места проведения раскопок (в его центре или на периферии), социальной природы (типа) изучаемого поселения, продолжительности и причины завершения его функционирования. В этой связи отмеченная автором зависимость,

безусловно, имеет место, но она не является определяющей и, во всяком случае, – «прямой» (скорее, нелинейной).

Сложно согласиться с категоричностью подспудно проявленного в тексте диссертации авторского мнения о том, что монеты определяют датировку археологических памятников (см. С. 110, 111). Некорректно датировать археологические памятники по одной категории находок (даже по такой важной как нумизматический материал) без предварительного анализа всего археологического контекста (учёта датирующих возможностей любых других категорий археологического материала, учёта места обнаружения монет – найдены они в культурном горизонте, в отдельной постройке или обнаружены на дневной поверхности и т.д.). Без комплексного анализа археологического инвентаря и учёта контекста находок опора исключительно на датирующие возможности нумизматики приводит к неоднозначным выводам, что особенно отчётливо отражает ситуация с «уточнением датировок» Тенишевского могильника эпохи раннего металла и стоянок эпохи камня в местечке Сюкеевский взвоз (см. Табл. 2, с. 111): если монеты болгарской чеканки происходят из имеющегося на памятнике средневекового культурного горизонта – это одна ситуация, если подняты с дневной поверхности – другая. В последнем случае монеты свидетельствуют не о ещё одном (средневековом) периоде функционирования памятника (уточнении его датировки), а, скорее, являются следами эпизодического посещения связанной с ним территории во время обращения обнаруженных монетных находок (так как под археологическим памятником традиционно понимается локализованный в пространстве культурный слой, а места находок отдельных предметов вне связи с ним традиционно учитываются как местонахождения).

Возможно, чтение текста диссертации облегчило бы переформатирование ряда включённых в него списков и перечней в таблицы и оформление их в качестве отдельных Приложений (см., например, перечень кладов на с. 53–56, перечень находок отдельных монет на с. 72–99 и др.).

Высказанные выше замечания несколько не умаляют высокий научный уровень и значимость диссертационного сочинения А.И. Бугарчева. Залогом объективности большинства важнейших полученных результатов являются большой объём кропотливо и всесторонне изученного фактического материала, использование методов статистического анализа, хорошее системное соответствие полученных метрологических данных расчётам на основе одной единицы веса драгоценного металла, отчётливые параллели выявленных особенностей денежного обращения Болгара с денежным обращением монгольских государств (прежде всего – государства Чагатаидов).

Результаты, полученные Алексеем Игоревичем, представляют интерес не только для джучидской нумизматики, не только для изучения истории монетного обращения в средневековом Поволжье, но и обязательно будут использованы в исследовательской практике для хронологической атрибуции различных археологических комплексов – отдельных памятников, культурных горизонтов, построек и сооружений. В последнем аспекте особую ценность представляет разработанная им хронология значительной части известных недатированных анэпиграфных и анонимных болгарских монет.

Нельзя не отметить, что коллеги имели возможность познакомиться с основными результатами его труда на 22 международных и 45 всероссийских конференциях, по 65 публикациям, среди которых автором выпущены 14 научных статей в изданиях, рекомендованных ВАК, а также одна монография, написанная совместно с П.Н. Петровым («Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой трети XIV вв.» Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2018). Это делает выводы А.И. Бугарчева аргументированными, весомыми и подтверждает высокий научный уровень соискателя.

Автореферат отражает основное содержание диссертации, его структуру и соответствует ее содержанию.

Диссертация Алексея Игоревича Бугарчева «Особенности денежного обращения Булгарского региона в XIII – первой трети XIV вв. по материалам

археологических исследований» полностью соответствует требованиям «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук, а её автор заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 – археология.

Официальный оппонент: Грибов Николай Николаевич
доктор исторических наук (специальность 5.6.3 – археология),
научный сотрудник Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Институт археологии Российской академии наук

15. 04. 2025

Н.Н. Грибов

Подпись руки заверено

13 04 2025

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; раб. тел. +7(499) 126-47-98; <https://archaeolog.ru>